

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 66 (1672)

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Ваганова «Науке противопоказан цинизм», опубликованная в «Независимой газете» приложение «НГ-Наука», 21 мая 2019 г.

Вологда
май 2019

Науке противопоставлен цинизм

В управлении исследованиями возобладала сухая административная логика

Сферу государственного управления, не только в России, но и во всем мире, поразила эпидемия «H-индекса». Эффективность научных исследований пытаются унифицировать с помощью библиометрического показателя – индекса Хирша. О том, к чему может привести абсолютизация Хирша в гуманитарных науках, в беседе с ответственным редактором «НГ-науки» Андреем Вагановым рассказывает доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии РАН Михаил Черныш.

– Михаил Федорович, недавнее заседание ученого совета Института социологии РАН было посвящено оценке эффективности работы ученых в гуманитарной сфере. Но наверняка речь заходила об индексе Хирша. Хорхе Хирш предложил разработанный им наукометрический индекс в 2005 году. Как вы думаете, почему этот показатель стал глобально популярен за столь короткое время? Кстати, ведь индекс Хирша исходно предназначался лишь для оценки работы физиков...

– Действительно, индекс Хирша изначально вовсе не предназначался для той роли, которую ему отвели в настоящее время. Он был разработан для ученых, работающих в области теоретической физики. Автор индекса отлично сознавал его слаботи. Индекс зависит от численности тех, кто работает по данному научному направлению. Он зависит от стажа ученого и его статуса.

Индекс стал популярен потому, что в управлении наукой возобладала сухая административная логика. Представим себе управленца, которому дано задание посчитать эффективность, ну, к примеру, деятельности художника. Какой критерий эффективности он выберет? Оригинальность, талантливость или все-таки количество? Оригинальность, талантливость считать нелегко, здесь нужно привлекать профессиональных экспертов, искусствоведов, которые к тому же не всегда сходятся во мнениях. Проще использовать количественный показатель – количество картин или их суммарную стоимость, эквивалентом данного показателя в науке стало количество статей.

В рамках того проекта науки, который реализуется в настоящее время в России, количественные показатели шаг за шагом вытесняют качественные. От совокупного числа статей зависит финансирование научного учреждения и соответственно оплата научных сотрудников. Что же в результате происходит?

Желая сохранить свой уровень заработной платы, и так невысокий, российский ученый вынужден подчиниться административной воле. В большинстве случаев он прибегает к тактике, которая носит название «копикэтинг», – одну и ту же статью многократно дописывает, переписывает и рассылает в разные издания. Речь идет об имитации науч-

ной деятельности, а не ее реальном содержании. Производство научного знания подменяется воспроизводством пустой формы.

Один из классиков социологической науки немецкий социолог Макс Вебер утверждал, поучая студентов, что наука невозможна без страсти к познанию, что наука – это «страстное вопрошание», становящееся для ученого подлинным призванием.

В том деле, которым мы занимаемся, призвание и профессия должны сойтись в обязательном порядке. Только в этом случае в науке возможны творчество, поиск, открытие. Принуждение к количественным показателям приводит к тому, что в российской науке распространяется болезнь формализаторства, цинизм, который выжигает сами смыслы научной деятельности. А науке противопоставлен цинизм.

Давайте подумаем, как эта гонка за количеством статей скажется на молодых ученых, которые должны, прежде чем достигнут зрелости, обрести исследовательский опыт, определить свой содержательный интерес.

– Системы цитирования и ссылок существенно отличаются в различных научных дисциплинах – гуманитарных и естественно-научных?

– Не только способы цитирования, но и сами условия гуманитарных и естественно-научных дисциплин существенно разнятся. Вильгельм Дильтей был одним из первых, кто провел линию разграничения между «науками о природе» и «науками о духе». Науки о природе изначально тяготеют к глобальному агрегированному знанию, которое я бы с известной долей условности назвал «проект Web of Science». «Науки о духе» по определению существенно чаще укоренены в «почве», культуре и чаще ориентированы на конкретное общество, его историю и современное состояние.

Эту особенность легко отследить, если обратиться к названиям тематических социологических изданий – American Journal of Sociology, American Sociological Review, British Journal of Sociology, Polish Journal of Sociology... Разумеется, существуют и международные журналы, но их существенно меньше, чем тех, что привязаны к конкретному обществу или обществам, имеющим общие культурные основания.

Я не хочу сказать, что наши проблемы интересны только нам, в мире есть немало ученых-социологов, относящихся с интересом к тому, что происходит в других странах, на других континентах. Речь здесь идет не о конкретных лицах, а о публикационной политике, которой придерживаются национальные издания по общественным наукам, а политика в этой области такова – печатать прежде всего своих, давать слово тем, кто изучает свое общество.

В этом году не только Министерство образования и науки РФ, но Российский научный фонд стал отказы-

вать российским ученым в поддержке на том основании, что они не принимают на себя обязательств публиковаться в первом международном квартиле научных изданий. Я не поленился, скачал базу данных журналов по общественным дисциплинам (SJR) и проанализировал распределение этих изданий по странам. Вышло, что 63,4% журналов по общественным дисциплинам выходят в двух странах: США и Великобритании. А в первом квартиле журналы, издающиеся в США и Великобритании, составили и вовсе 90,7%.

Другие страны представлены в первом квартиле единично, а некоторые совсем не представлены. Так, в первом квартиле совсем нет журналов, выходящих во Франции. Но кто скажет, что во Франции слабая общественная наука, что там нет блестящих ученых международного уровня?

Российским обществоведам, социологам в том числе, чиновники говорят: публикуйтесь в американских или английских журналах или мы не будем вас поддерживать. Но ведь надо учитывать, что помимо уже упомянутой «почвенности» национальных изданий существует и политический фактор, осложняющий размещение статей за рубежом. Статьи российских ученых даже к рассмотрению не примут, если в них не заявлена жесткая критическая позиция по отношению к российской власти. Спрашивается, а понимают ли это те, кто руководит российской наукой?

Дело здесь не в том, что мы не готовы занять критическую позицию по отношению к намеренным или непреднамеренным последствиям действий властей. Для ученых важно, чтобы критика, если она звучит, имела солидные, научные основания, подкреплялась логикой проводимых исследований, а не установками, которые навязываются ему извне.

– Это правда, что в гуманитарных науках до сих пор выше ценятся научные монографии, а не статьи? Монографическое мышление гуманитариев – реальность?

– Тот же Дильтей, а вместе с ним и многие другие исследователи отмечали, что общественные, гуманитарные науки дискурсивны по определению. В гуманитарной сфере исследований аргументация более «языковая», пространная, чем в науках о природе.

В 1959 году известный английский писатель Чарльз Перси Сноу написал книгу под названием «Две культуры», в которой противопоставил друг другу культуру естественных наук и культуру гуманитариев. Его раздражало то, что гуманитарии слишком часто говорят о ценностях, слишком часто подчеркивают амбивалентность тех явлений, с которыми имеют дело. Эти особенности того предмета, который изучается в общественной науке и требует от нее «больших» форм – монографий прежде всего. Не случайно самые важные, запоминающиеся работы в области общественных наук имеют форму монографий. Статьи тоже важны, но как промежуточная форма, как одномыслие, которое подготавливает серьезный труд, в котором наконец будет изложен весь предмет во всей его сложности.

Однако не только монографии, но и другие формы научной деятельности важны для гуманитариев. Возьмем, к примеру, переводы. Нам говорят, зачем учитывать переводы, если все и так есть на английском языке. Читайте по-английски, вот вам и решение ваших проблем. Проблема в том, что в общественной науке далеко не все работы, заслуживающие внимания, публикуются в англоязычном переводе. Многие важнейшие работы выходят на французском, немецком, испанском, итальянском, а сейчас и китайском языках. Если гуманитарий желает быть в курсе того, что делается в современной науке, которая развивается не только в США и Великобритании, то он должен прочитать эти работы в переводах. Как правило, переводчики – такие же ученые, такие же профессионалы и то, что они делают, – это весомый вклад в науку.

Или такая деятельность, как исследования по запросу директивных органов. Сейчас президент России предложил оценивать работу губернаторов по системе критериев. Это ответственная работа, которая имеет последствия как для конкретных регионов, так и для страны в целом. В этой работе вопреки мнению дилетантов есть методологический, фундаментальный аспект. В работе по подобным проектам принимают участие ученые, как правило, высококвалифицированные. Но отчеты, которые они готовят, ложатся на стол руководства и вряд ли когда-либо будут опубликованы в виде статей или монографий. Тратится время, расходуются силы, ресурсы, но работа никак не учитывается в существующих критериях эффективности.

А экспертная работа? Нужно ли ее учитывать? Нужно ли учитывать вклад ученого в воспроизводство научных кадров – чтение лекционных курсов, руководство магистрантами и аспирантами, работу в диссертационных советах? Если не делать этого, то наука закончится на поколении ныне живущих ученых. Если делать ее, то это некое подвижничество. По крайней мере именно так этот вид деятельности в настоящее время рассматривается чиновниками.

– Если рассуждать несколько абстрактно – а кто вообще дал право чиновникам, то есть людям, не имеющим чаще всего никакой специальной научной подготовки, оценивать эффективность работы исследователей? В палеоботанике, например, работают пара десятков человек в мире, как их оценивать? Закрывать палеоботанику как предметную область?

– Это непростой вопрос, напрямую связанный с тем, как и чем мы оцениваем эффективность научной деятельности. В российской науке может быть трое-четверо ученых, занимающихся одним из редких, древних языков и текстами на нем. Они исправно публикуются, цитируют друг друга, но общий уровень цитируемости у них низкий, эффективность, с точки зрения чиновников, невысокая. Что делать? Закрывать это направление? Но так мы постепенно придем к ситуации, когда придется за-

крывать не только изучение древних языков, но и актуальные тематики только на том основании, что людей, работающих по данным направлениям, много, а уровень цитируемости у них – так себе.

Приведу пример из собственной дисциплины. Как вы думаете, сколько у нас «семейников» – тех, кто занимается проблемами семьи, ее трансформацией и перспективами? По пальцам одной руки можно пересчитать. Старые кадры уходят, а новое поколение при нынешнем уровне оплаты труда – не писаном, а реальном, – не торопится в науку, не желает тратить десятилетия на освоение знаний, защиту магистерской, кандидатской, докторской диссертаций только для того, чтобы «приземлиться» на профессорский оклад, который меньше заработной платы рядового клерка в частной компании.

Повторюсь, очень непростой вопрос и количественной стимуляцией его не решить. Нужны совсем другие решения.

– Попытка чиновников тотально все свести к некоему числовому показателю – ведь это помимо всего прочего меняет сам этос науки. Наука становится «циничной».

– Этос науки меняется потому, что эффективность науки меряется не самими учеными, а теми, кто ошибочно считает, что наука – это такая же область жизни, как, к примеру, торговля. В торговле многие показатели эффективности фиксируются количественно – закупки, продажи, прибыль. Внедрение подобных методов в науку приводит лишь к тому, что у кого-то из ученых появляется желание уехать в те страны, где отношение к производству знания более уважительное. Мы видим, что поток уезжающих за рубеж ученых пока не ослабевает, а в последнее время усиливается.

Другая категория ученых пытается приспособиться к этой ситуации и делает это, поступаясь принципами, издавна регулирующими сферу научной деятельности. Ну, хорошо, говорят они себе, раз такие правила, буду делать так, как они нам предписывают. Опубликовать по 10 статей в год, да, ничтожных с научной точки зрения, но зато выгодных с точки зрения предъявляемых научным учреждениям требований. Раз система настроена на то, что ставить ученым нереальные, издевательские задачи, значит, ничего не остается, как хитрить, подкакивать ей, производить имитационные продукты.

Такая позиция с человеческой точки зрения понятна, какие только испытания ни устраивала российской науке власть за последние 30 лет, но, по сути, такая позиция цинична: на цинизм чиновников ученые отвечают своим цинизмом, принося в жертву содержание научного труда. Цинична эта позиция еще и потому, что сами ученые хорошо понимают, где дельная статья, сильная монография, а где слабенькое подобие научной работы, перепев старых мотивов, формальная отписка. Речь идет не об ошибках, не о спаде продуктивности, а сознательном введении в заблуж-

дение тех, кто навязывает науке невыполнимые задачи. Но помимо прочего еще и о создании в поле науки весомого, имеющего тенденцию к росту имитационного сегмента. А теперь представьте себе, какие уроки получают в этой ситуации молодые ученые.

– Вам не кажется, что наукометрия сначала стала девиантной, а сейчас уже перешла в статус лженауки?

– Наукометрия никогда не была собственно наукой. В былые времена ею занимались сами ученые как направлением, которое сопутствует научной деятельности, которое не формирует поле научных исследований, а отражает текущее положение вещей. План по увеличению числа публикаций сродни тем показателям, которые в советское время в обилии продуцировались госпланом. Производство непрерывно росло, а в магазинах стояли очереди. Производилось много плохой, некачественной продукции, притом что производящие ее предприятия бодро рапортовали, что планы выполняются. Чем все это закончилось, мы с вами хорошо помним.

– На ваш взгляд, что прежде всего нужно изменить в существующей сегодня в России системе оценки труда ученых?

– В науке необходимо придерживаться принципа реальности. Действующий, работающий ученый может написать в год не более двух серьезных статей. Необходимо, оценивая труд ученого, принимать во внимание весь комплекс его деятельности – исследования, в которых он принял участие, лекционные курсы, которые он прочел, конференции, к участию в которых был приглашен и на которых делал важный доклад, учебники и пособия, которые подготовил, консультации, которые он проводил у аспирантов.

Весь этот объект работы не наблюдаем с позиций министерства, но он хорошо просматривается на уровне научного учреждения, в самом научном сообществе. Нужно больше доверять самим ученым, они, если не подвергать их прессингу, сами разберутся, кто из них эффективен, а кто нет.

– На это могут возразить: ученые могут договориться и действовать по принципу: ты мне, я тебе...

– По моим наблюдениям, это происходит в том случае, если подлинный мотив научной деятельности подменяется бюрократической логикой самосохранения любой ценой. Но пока в сообществе российских ученых те, кто так мыслит, не делают погоды. Посмотрите на то, как работает Российский фонд фундаментальных исследований. Вполне эффективно работает, а ведь оценку проектов фонда производят сами ученые. Диалог, доверие, открытость, отказ от манипуляций – вот принципы, которые помогут сохранить российскую науку. О том, что случится с ней, если победят нынешние тенденции, не хочется думать.

Андрей Ваганов
Ответственный редактор
приложения «НГ-Наука»